

Захаров Марк Анатольевич (Мариинский)

Предпраздничное

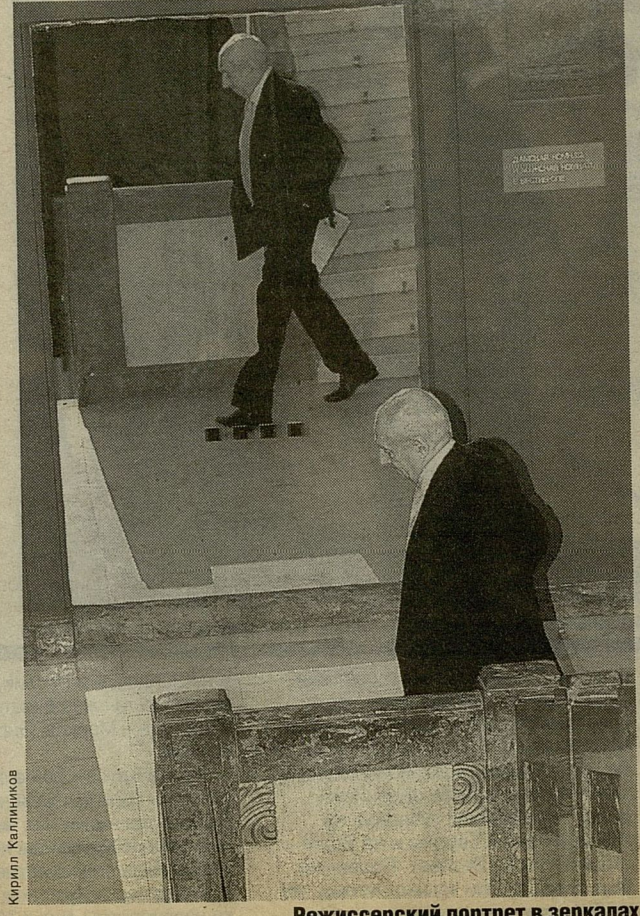

«Он должен был бы играть Пьеро в нашем театральном балагане, а он вот уже столько десятилетий отважно играет Арлекина. Как и положено в комедии дель арте, публика не всегда понимает, где человек истекает клюквенным соком, а где льется настоящая кровь».

ЗРИТЕЛЬ

АНГЛИЙСКИЙ РОЖОК МАРКА ЗАХАРОВА

мариинский
2003-7-13 окт.
с 26.

Кирилл Калинин

Режиссерский портрет в зеркалах

приступлены. На циферблате его лица – всегда сумерки. Он должен был бы играть Пьеро в нашем театральном балагане, а он вот уже столько десятилетий отважно играет Арлекина. Как и положено в комедии дель арте, публика не всегда понимает, где человек истекает клюквенным соком, а где льется настоящая кровь.

КОРОЛЕВСКИЕ ИГРЫ

Его родина-время – шестидесятые. Тогда накануне Праги он поставил «Доходное место» с Андреем Мироновым, загадочный и быстро уничтоженный спектакль, метафоры и прозрения которого сложили биографию режиссера. Он сам себе нагадал пожизненную игру с гибельной силой. В финале Миронов – Жадов обращался к зрительному залу с пятачка авансцены, который режиссер для себя именовал «площадкой совести»: «Я не герой, я обыкновенный слабый человек. У меня мало воли, как почти у всех у нас. Но довольно одного урока, чтобы воскресить меня... Я могу поколебаться, но преступления не сделаю, я могу споткнуться, но не упасть». В этот момент Андрей Миронов неожиданно и прекрасно улыбался, возникал какой-то щемящий музыкальный мотив. Герой смотрел в зал, объединялся с ним в своей слабости и в своей надежде. Ничего, мол, все образуется.

Не раз кутуженный на поле «королевских игр», Марк Захаров «спотыкался», но не упал. Напротив, он

нашей театральной истории. Великим мастером этого направления был Немирович-Данченко. Это он в 1917 году размышлял, как вести дело МХТ: «со знаменем» или «на манер шакалов». Захаров хорошо знает, что это такое, особенно во времена капитализма с нечеловеческим лицом. Он не преувеличивает возможностей театра, не прет на рожон, пытается балансировать между «знаменем» осмысленного идейного театра и театра «шакальего», нацеленного исключительно на извлечение прибыли. Он первым стал говорить о разрушении феодальной театральной системы, о деньгах, об умении зарабатывать, о нищете, в котором нет никакого благородства. При этом он вовремя умел остановиться и не разделить, не разрушить собственный дом. Теперь, когда «все враздробь», это сознаешь с особой остротой.

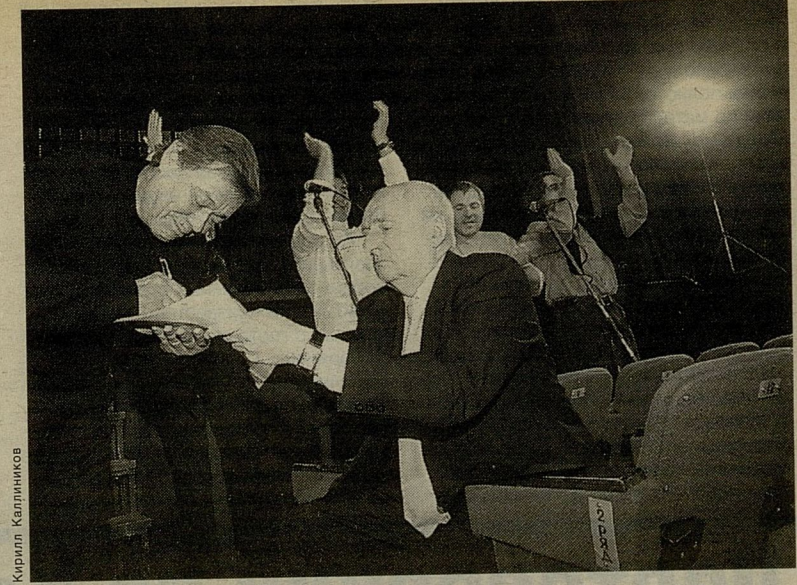
«ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»

Он вывел для себя правила режиссерского поведения, которым пытается следовать. Он знает, что в спектакле необходимо сотворить несколько внутренних поворотов, чтобы публике было за чем следить. Он пытается такие же повороты устраивать и в своей судьбе. Он живет по законам сцены. Некоторые его публичные телевизионные аттракционы вошли в новейшую историю России. На сцене тоже обожает шоковые эффекты, любит ударить зрителя по уху и глазу мощным музыкальным аккордом или

себе публично обсудить тему «избранного народа», к которому Горин принадлежал безраздельно, а Захаров принадлежит, кажется, наполовину или на четверть. Это был конец 80-х, уже лилась кровь в Карабахе, Тбилиси и Вильнюсе, империя разваливалась на глазах, искали виновных. В России в таких поисках всегда есть возможность взглянуть в известную сторону. Вот и Захаров с Гориним взглянули, пригласив к себе в помощь Евгения Леонова. Бог ты мой, что ж он тогда сотворил, этот чистейший русак, со своим Тевье-молочником, в какие национальные глубины заглянул, какое человеческое единение открыл. Жаль, что Александр Исаевич в то время был еще в Вермонте и не видел Леонова – Тевье. Может быть, он закончил бы свою книгу «Двести лет вместе» разбором того, что понял и сыграл тогда замечательный актер.

Захаров подарил погромщикам, пришедшим в дом к Тевье, смешную сцену (смешной погром – соединение несоединимого – привычный оксюморон ленкомовской эстетики). Ведь чтоб начать громить, нужно как-то раскошегарить себя, найти какое-то психологическое или идеологическое оправдание насилию. Просто так захватить в лицо человека трудно. И вот эти деревенские хлопцы слоняются по дому, ищут мотив. Наконец, находят: «Ну, что, жиды, Христа нашего распяли?» В ответ – мощный смеховой разряд ленкомовского зала. Вековая глупость была выставлена и повержена в прах одной превосходной репризой. Это и есть театр Марка Захарова в его лучших минутах.

На репетиции с Николаем Караченцовым

Кирилл Калинин

ПТИЦА-ТРОЙКА

В этом театре репризу лелеют и культивируют. В идеале Захаров хотел бы, наверное, довести до репризной остроты и точности все свои глубинные ощущения России. Про Россию, про нашу ментальность он без усталости рассуждает, на этой сквозной теме построены все его лучшие и просто рядовые спектакли. Он все время хочет дать ответ на классический вопрос: куда ж несется эта самая птица-тройка? Ответа, конечно, нет, но фабрика метафор Ленкома продолжает работать, питаясь энергией заблуждения. Марку Захарову хватит работы надолго.

Его 60-летие отмечали 13 октября 1993 года. На девятый день с момента расстрела «Белого дома». В Ленкоме собралась политическая элита России. Жизнь предложила такую репризу, которую никакой шоумен выдумать не мог.

Минуло еще одно десятилетие, время повернулось, разменяли столетие. Многие театральные знамена полиняли, актеры разбежались в поисках пропитания, театральные дома разрушились. Марк Захаров и его Ленком устоял. Режиссер не потерял чувства юмора. Он подводит предварительные итоги. Легко могу нафантазировать, что будет в зале Ленкома 13 октября. Кто придет, кто посéтит, какие телеграммы зачитают. Марк Анатольевич стал, как теперь выражаются, «статусным режиссером» и должен пройти сквозь очередное испытание «медными трубами». Он его пройдет. И выйдет в конце представления, истощенный похвалами, низко раскланяется, по-цирково-му, курсивом. Скажет что-нибудь смешное и положенное по статусу, но уголки его рта будут все так же опущены, как на скорбной античной маске, а циферблат лица с длинной стрелкой печального носа будет указывать на сумерки. Без этого подмалевка портрет режиссера и комедианта Марка Захарова был бы неполным. Все будет хорошо, если только наша жизнь не преподнесет какой-нибудь совсем уж сумасшедшей репризы.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

ЮБИЛЕЙ

Портрет Марка Захарова сочиняется несколько десятилетий. Его прилежно пишут «специально обученные люди», именуемые критиками. Его пишет непредсказуемая жизнь, которая, подобно захаровским спектаклям, изобилует крутыми поворотами и виражами, где наш герой демонстрирует поразительную устойчивость. Этот портрет осознанно конструирует и сам Марк Анатольевич, режиссирующий свой театральный и общественный облик кропотливо и неустанно.

МОНТАЖ АТТРАКЦИОНОВ

Его восхваляют и поносят, награждают и ниспровергают. Ему не прощают ничего. Он защищает себя сам: шуткой, следующим спектаклем, книгой, фильмом. Он сам себе и белый пиар, и серый, и черный. На его юбилеях, на праздниках его театра непременно

присутствует высшая власть, которая тоже пытается шутить. Его пригласили на «пир победителей», но он пытается описать этот пир в своих спектаклях. Щедро и давно обласканный, он может вдруг огрызнуться или покаяться. Вера и безверие, как и многие иные темы искусства, поле его игры, не только театральной. «Монтаж аттракционов» проникает в способ жизнестроения, входит в оглушительно громкие сценические композиции режиссера, начиненные тайной лирикой. Английский рожок, надрывающий душу в финале «Шута Балакирева», – это сдвоенный голос простака-героя и режиссера-памфлетиста, который стыдится любой открытой лирики.

Шут Балакирев по своей природе, худрук Ленкома живет в разных мирах, сложно пересекающихся. В его лице отражено давно сложившееся двоемирие. Режиссер смеется и острит, но уголки его рта печально

ФЕСТИВАЛЬ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

27-28 ОКТЯБРЯ

18 часов 30 минут

в помещении Московского государственного академического Камерного музыкального театра под руководством Б.А.Покровского

Ирина Йосиро
«Самоубийство влюбленных в Сонзэаки»
Опера в сопровождении японских традиционных музыкальных инструментов

Продажа билетов в кассе театра по адресу Никольская, 17 с 11 до 14 и с 15 до 19 час. и на станциях метро

文化庁
РАДИО РОССИЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МАРК
МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ
ДЕСУГ
ТЭПНЕ

сумел создать, сохранить и провести сквозь три десятилетия одну из самых одаренных трупп театральной России. В его коллекции существовали Евгений Леонов и Татьяна Пельтцер, расцвела поздним цветом Елена Фадеева (в пьесе Петрушевской). С ним связали свои судьбы Инна Чурикова и Александр Абдулов, Леонид Броневой и Олег Янковский, Николай Караченцов и Александр Збруев. За три десятилетия он превратил Ленком в образцово налаженную театральную машину. Он сумел обновить кровь своего театра, ввел новое поколение мастеров и продолжает складывать их судьбы через новые работы. История Ленкома вычерчивается через актерские свершения – так, как это делалось некогда в Художественном театре или у Товстоногова. Он из той же породы. Часто иронически употребляет словечко «вождь» (по отношению к Ефремову, например), но он и сам в большой степени обладает предводительским инстинктом, без которого репертуарному театру у нас не прожить и не выжить. Кажется, именно этим защитным инстинктом по отношению к своему театральному дому вызваны его многочисленные хождения во власть. Компромисс входит в этику его театрального дела и в сам состав его личности. Это тоже идет из глубин

ослепительной метафорой. Он нашел себе союзника в сотворении таких «ударов» – художника Олега Шейнциса, с которым сотрудничает много лет. Долговременный союз – это тоже из лексикона театра-дома. Он покладист и в ощущении масштаба своего дарования. Многократно и публично «пропускал» вперед себя некоторых товарищей-режиссеров (чего другие товарищи-режиссеры не могут себе даже помыслить). Не обижается на критиков, во всяком случае вида не показывает, что недооценен, не перестает здороваться, не ищет заговора. В коловращении театрального быта сохраняет некое не-театральное достоинство, которое обеспечено чувством юмора. Вероятно, именно это чувство бережет как свой золотой запас. Удачей его жизни была встреча с Григорием Гориним – тот тоже был не боец, не шел на баррикады, но умел прекрасно шутить и как-то терапевтически, по-докторски относиться к предлагаемым обстоятельствам нашей общей родины. Режиссер и писатель вместе сотворили несколько грустно-веселых спектаклей, которые скрепили и как бы прошли историю Ленкома – от «Тили» и «Поминальной молитвы» до «Шута Балакирева». В «Поминальной молитве» Марк Захаров и Григорий Горин разрешили